

Е.П. Педчак

«Лиличка!»

Не абсолютизируя ни одну из граней творчества поэта, можно сказать, что любовная лирика играет важнейшую роль в осмыслении всего созданного Маяковским.

Однако, обращаясь к любовной лирике Маяковского, необходимо остановиться прежде всего на имени Лили Брик: оно принадлежит женщине, знакомство с которой оказало огромное влияние на жизнь и творчество поэта, женщине, названной им в предсмертном письме членом семьи.

Лили Юрьевна Каган (1891–1978) была одарена от природы, но непостоянна в своих увлечениях: учась в гимназии, проявила прекрасные способности к математике и в 1909 году даже поступила на Высшие женские курсы по этому профилю, но уже через год занятие математикой сменило увлечение живописью и лепкой, а позже — балетом. В 1912 году она вышла замуж за О.М. Брику, а в 1915 чета Брикков познакомилась с Маяковским, который в автобиографии «Я сам» назвал дату их встречи «радостнейшей датой».

Отношения Маяковского и Л. Брик были очень непростыми, многие этапы их развития отражены в произведениях поэта, в целом же показательным для этих отношений может быть стихотворение «Лиличка!». Оно написано в 1916, но впервые увидело свет с заглавием-посвящением «Лиличке» только в 1934. Стихотворение воспринимается как своеобразная внутренняя речь, не оставляя ощущения строфичности, тем не менее оно содержит десять строф по четыре строки с перекрестной рифмой и относительно стабильно по числу ударений (преобладают четырехударные стихи). Стихотворение написано акцентным стихом, что во многом способствует созданию иллюзии непосредственности речи. В то же время метрический набор текста поддерживает его композиционное и смысловое развитие, например, экспозиция представлена хореем, в то время как в развитии темы появляются другие размеры.

Первое, что привлекает наше внимание при чтении текста, — заглавие и подзаголовок. Заглавие называет адресата стихотворения и одновременно говорит об отношении к нему. Такая оценочность обращений характерна и в целом для переписки Маяковского и Л. Брик. Если заглавие стихотворения настраивает на эмоциональное восприятие текста, то подзаголовок однозначно относит его к эпистолярному жанру. Закономерно возникает вопрос: почему именно эта форма была избрана поэтом? Как известно, мы обращаемся к письму не только тогда, когда разделены с адресатом расстоянием, но и тогда, когда испытываем необычные чувства или не можем высказать что-то в присутствии адресата. Письмо в этом случае позволяет и осмыслить происходящее, и избрать соответствующую форму выражения. Можно предположить, что именно поэтому Маяковский обращался к жанру письма в наиболее важные периоды своей жизни.

Второй вопрос, следующий из подзаголовка, — в какой мере в стихотворении представлена структура письма. С формальной точки зрения здесь очень точно соблюдена рамка: текст начинается с обращения, содержит точную датировку и называет место написания, более того, в публикации 1943 года существует и подпись: В. Маяковский. С содержательной точки зрения в стихотворении сохранен предмет речи, сам адресант, но если в обычном письме фиксируются события недавнего прошлого, то здесь, в значительной мере, речь идет о будущем.

Интимная интонация письма подчеркивается первым же сравнением: «комната — глава в крученыховском аде». (Здесь отсылка к поэме А. Крученых и В. Хлебникова «Игра в аду».) Напряженно-тревожное состояние героя задается также в первой строке: «Дым табачный воздух выел». Ведь папироса сменяет папиросу в моменты отнюдь не радостные.

«Строительный» материал стихотворения разнообразен. Прежде всего привлекает внимание активное использование слова «любовь» (любимая, любимого имени и личных местоимений я, ты, притяжательных мой, твой). Частотность именно этих слов является закономерной, потому что внимание лирического героя сосредоточено на отношениях с любимой. Эти слова являются ключевыми для стихотворения и выступают как центры, связывающие все его элементы.

И герой (адресант), и его любимая (адресат) охарактеризованы в тексте, причем адресат характеризуется через восприятие героя; при этом используется оценочная лексика (*дорогая, хорошая*). В противовес такой конкретности, чувства адресата даны описательно: перифразой *сердце в железе*, возникшей на основе переносного значения слова *железо* — «холодный, суровый», а также отсылкой к фразеологизму *висеть камнем на шее*, ассоциативно связанному с предложением «*любовь моя — тяжкая гиря ведь — висит на тебе, куда ни бежала б*».

Большая часть текста представляет эмоциональное состояние лирического героя, которое передается с помощью вполне определенной лексики, обозначающей как положительные эмоции (*любовь, нежность, радость, цветущая душа*; этот ряд немногочислен), так и (в основном) отрицательные, причем в высшей степени их проявления.

Гиперболичность образной системы, в которую вписывается любовное чувство героя, очень характерна для Маяковского: он относит к себе такие определения, как «исступленный» и «дикий», сравнивает себя (опосредованно) с быком и слоном.

Стихотворение, являясь лирическим монологом, — целостно, но самораскрытие героя представлено двумя этапами, в соответствии с которыми можно выделить две композиционные части. Первая, занимающая почти весь объем текста, представляет собой описание внутреннего мира героя, вторая, всего три строки — лирическую просьбу. Такое членение подсказано и пробелом (отступом) перед второй частью.

Первая композиционная часть стихотворения содержит два блока, один из которых «реальный», а другой — условный, образно передающий чувства героя.

Вторая часть содержит образное воплощение чувств героя, он как бы подтверждает то, что восприятие мира и себя в поэзии Маяковского контрастно и гиперболизированно. («...Любовь Маяковского к Лили Юрьевне была огромна, и переживал он любовные радости и огорчения гиперболически, как это было ему свойственно» В. Шкловский).

Образная система этой части достаточно сложна, она является трехступенчатым развитием гиперболы в направлении от умозрительности к конкретности, от разнообразия выражения к его относительной простоте. Первая ступень характеризуется активным использованием слов, объединенных темой природы (*бык, слон, море, солнце*), и это показатель для всего творчества Маяковского.

Первая композиционная часть стихотворения завершается эмоциональным риторическим вопросом, который уже своей постановкой («слов моих сухие листья ли...») подразумевает отрицательный ответ.

Однако за этим вопросом не следует взрыва эмоций, и вторая композиционная часть характеризуется совершенно иной тональностью: это просьба, выражающая не только прощание, но понимание и прощение.